

с прибором

вышла новая книга Ксении Букши

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Ксения Букша — представитель самой молодой генерации российских прозаиков: ей всего двадцать. Тем не менее она уже опубликовала четыре романа, благосклонно встреченных не только критикой, но и старшими коллегами. Особенно тепло новое имя приветствовалось Максом Фраем, который назвал Ксению Букшу литературным Моцартом. Ее новый роман «Дом, который построим мы» — динамичная традиционная проза с уклоном в социальную иронию и фантастику.

То, что происходит сейчас в так называемой молодой литературе, при желании может быть охарактеризовано как буря и натиск. А если желания нет, то остается произнести что-нибудь вроде «разброд и шатание». Подобные оценки, само собой, слишком трафаретны и броски, чтобы быть исчерпывающими, но в данном случае это будет не так банально и несправедливо, как может показаться на первый взгляд.

Московские и питерские «сливки» литературного поколения двадцатилетних (а также Платоны и Невтоны из российских недр, принятые в столичную игру) живут своей утонченной жизнью. Одной из самых ярких креативных черт этой жизни остается относительная закрытость. Помните, кто-то из старых юмористов шутил по поводу советских гостинки, построенных иностранцами, — мол, они сами их строят, сами в них и живут. Если бы кто-нибудь совершенно посторонний ознакомился с творчеством вышеупомянутых юных литераторов, то он бы сказал: вот, дескать, они сами это пишут, сами же это и читают. Простакую ответить: не надо так сглеч, вы, дедушка, не догоняете. А с другой стороны — посторонний, в известном смысле, всегда прав. Для литературы, порождаемой в этих кругах, характерна эпистолярность (пишут не только друг для друга, но и непосредственно друг другу), а также связанное с ней головокружительное расширение границ художественного — литературности текста определяется не им самим, а его контекстом и функцией. Внутри этого мира есть свои кумиры и классики (некоторые из которых уже стали фигурами более обширного литературного пейзажа), а также обслуживающий их филоло-

гический пиар. Есть юные кудесники слова, не то чтобы совсем не связанные с этим форматом, но существующие преимущественно вне его. Роль «полпродов» молодой прозы на «больших» литературных подмостках, выпавшая Сергею Шаргунову и Ирине Денежкиной, была закреплена вручением престижных литературных премий. Объективно это другой полюс молодежной словесности, противоположный герметическому междусобойчику.

Между двумя этими полюсами как бы вакуум, а на самом деле — один (не)верный шаг. У двух мнимых крайностей много общего — например, стараниями как «закрытых», так и «открытых» авторов молодая проза стойко ассоциируется с субкультурным началом — в этом смысле показательно присуждение первой премии «Дебют» авторам романа «Больше Бэна» Сергею Сакину и Павлу Тетерскому, обрушившим на читателя целую лавину специфических культурных кодов. На этом фоне книги Ксении Букши — нечто совершенно оригинальное. Добротная проза, абсолютно не замешенная на субкультуре и доступная самому широкому читателю, свидетельствует о приходе нового поколения более отчетливо, чем любые подростковые вопли. Непокоримое душевное здоровье, усидчивость, несомненная словесная одаренность и умеренная доза таланта — ровно столько, сколько нужно, чтобы читатель и не плевался, и не перенапрягался: евростандарт с достаточно хорошо прочувствованными русскими корнями. Новый роман — не исключение. Это история о предпринимчивом физике, который изобрел некий прибор, первоначально предназначенный для решения узкой технической задачи, а затем оказавшийся пригодным для лечения кариеца, игры в покер и исполнения любых желаний. Текст стопроцентно читабелен, видна литературная школа в диапазоне от ремизовских игр с порядком слов до фирменного аксеновского легкомыслия. Повествуя о чудо-приборе, автор как бы посмеивается над всеми машинами времени, гиперболамидами и аннигиляторами вместе взятыми, заключает понятие фантастического в кавычки и таким образом обнаруживает литературную рефлексию, при этом не слишком увлекаясь ею. Можно приветствовать и хорошо удавшуюся попытку облечь ультрасовременное содержание в спокойную мэйнстримную форму.

Да, вот такое оно, новое племя — деловитое, здоровое и профессионально осведомленное о тонкостях финансовых операций (коммерческая сторона применения прибора выписана с завидным знанием дела). Неужели только так теперь и будет? Неужели никогда больше не явится сумасшедший Рэмбо? Эта зияющая лакуна особенно ощутима при чтении стихов Букши, предпосылаемых каждой главе романа в качестве эпиграфа и заставляющих вспомнить то Елену Шварц, то сибирский панк, то журнал «Костер».

Ксения Букша. Дом, который построим мы. — СПб.: Амфора, 2004. — 295 с.